

Коляска с нежным хрустом катилась по каменной площади.

Стояло самое раннее утро. Первые лучи солнца уже опустились на высокие статуи, и протянули их тени аж до широких ступеней, предваряющих портик огромного каменного сооружения. Все монументы, расположенные на площади у его подножья, находились на разном расстоянии друг от друга. Между некоторыми были прорези всего лишь в двадцать, двадцать пять метров, между другими — вплоть до нескольких сотен. Каждый метр расстояния знаменовал год, который провёл на своем посту запечатлённый в монументе президент Федерации.

Федерация существовала уже более тысячи лет, а потому утренняя прогулка мужчины в коляске, от первой статуи до последней, обещала занять некоторое время. Скучая, он разглядывал то каменные статуи, то свои ноги, а то и голубые небеса, — и тогда, в лучах солнца, тёмные глаза мужчины проявляли глубокий голубой лоск; катил его коляску по площади рослый человек в белых одеяниях, скрывавших его лицо.

Между монументами тянулась его длинная тень и тень коляски.

В какой-то момент мужчина в коляске заметил эту тень, присмотрелся к ней и задумчиво наклонил голову; его полные, немного красные губы оставались неподвижны на светлом, ровном лице с чутка заострённым подбородком. На вид мужчине было лет не больше двадцати лет. Он мог показаться ещё совсем юношей, но в его гладких чёрных волосах мелькали в лучах солнца седые струнки.

Единственным звуком в утренней тишине был нежный хруст колёсиков о каменную площадь. Но вот дунул ветер, волосы мужчины взмыли, захлестали, его глаза самую малость прищурились, и он вытянул в сторону правую руку. На неё резко, но одновременно осторожно, приземлился чёрный орёл. Он сбросил из клюва небольшую нефритовую табличку на колени мужчины, а затем одним взмахом крыльев снова взмыл в голубую высь.

— ...Дерзкая птица, — раздался сухой и тяжёлый голос человека в белом.

— Это его природа, — нежно отвечал ему мужчина на коляске. — Разве можно осуждать льва за то, что он не снимает во время официальных визитов свою гриву?

— Гриву можно сбрить, — кратко сказал человек в белом.

— Можно; а ещё можно не проводить утренние прогулки в гробовой тишине, но ведь я не прошу тебя со мной разговаривать.

— Хочешь, чтобы тебя развлекали разговором?

— Боюсь, в твоём исполнении это будет настолько же неловко, как побритый на лысо лев, — прикрывая веки сухо улыбнулся мужчина. Он взял табличку и приподнял её для человека в белом. Тот остановил коляску и схватил её пальцами. Они оказались на удивление тонкими, длинными и нежными, — как пальцы прекрасной девушке, что никак не состыковывалось с голосом человека в белом, похожем на эхо в сухом каньоне. Чудесный пальчики надавили на нефрит; он треснул и превратился в облако зеленоватой пыли, которое пролетело вперёд и приняло форму экрана с застывшей картинкой. Человек в белом хлопнул, и картинка пришла в движение:

Сперва показались образы приятного рассвета на пляже; затем мелькнула звезда, и голубовато-бело-желтую палитру заволокло серой дымкой. Явилась девушка в чёрном,

мелькнул взгляд её серых глаз. Затем, постепенно, вспыхнуло пламя. Оно разгоралось всё ярче и ярче, пока вдруг не потухло... А затем вновь засияло ярче прежнего и выжгло тьму.

Всё время, что проигрывались образы, человек в белом внимательно наблюдал за записью; когда она завершилась, он заметил:

— Пилюля Сансары вернула ему силу третьего Ранга Стадии Дао Сердце. Вместе с бронёй он смог победить противника... Примерно на первом ранге Эманации... С ней почему-то сложно сказать, — задумчиво прохрипел он.

Мужчина на коляске сказал:

— Отмотай назад.

— Хм?

— Пару секунд, — добавил он нежным голосом.

Человек в белом кивнул и взмахом руки промотал запись назад. Снова набухла тьма, вспыхнуло пламя, и...

— Стоп.

Запись остановилась; мужчине в коляске всмотрелся в застывшую картинку. Он даже немного вытянулся вперёд, и человек в белом приготовился удержать его, если он выпадет, но затем мужчина затем снова обмяк на своём кресле.

— Ближе, — сказал он.

Картинка приблизилась, и вскоре человек в белом тоже смог рассмотреть, что именно привлекло мужчину в этом конкретном кадре: он изображал застывшую спину, — крепкую, ровную, покрытую бронзовой бронёй спину. Кроме неё был ещё заметен белый краешек лица воина и блеск золотистого колечка у него в ухе.

— Навевает воспоминания, — проговорил мужчина в коляске. Человек, казалось, хотел ему ответить, но неожиданно он растерялся — его растерянность была заметная даже за белой вуалью. И всё потому что алые губы мужчины приподнялись в улыбке. Не той фальшивой официальной улыбке, которая стала для них такой обыкновенной, но в другой, ясной и немного детской, которую человек в белом не видел уже очень много лет... Он опешил, а улыбка уже исчезла. Мужчина спросил:

— Кто-нибудь ещё был на месте нашего инцидента?

Экран исчез и снова превратился в нефрит. Человек в белом ощупал его своими тонкими пальцами и прохрипел:

— Господин Чжань Тэнь...

— Правда? Неужели он согласился наконец взять отпуск?

— Ещё были замечены следы клана Тан.

— Тан... — проговорил мужчина и прищурился. — Клан Тан очень многое себе позволяет; мы согласились помочь им найти пропавшего ребёнка, но это не значит, что они могут поступать,

как им заблагорассудится... Передай, чтобы наш «меч» направился к границам их пространства, — в глазах мужчины блеснул холодный свет.

— Пусть он их прочит...

— Как скажешь.

— К тому так мы избавимся от него на некоторое время. Будет проблематично, если он прознает об этом случае и снова захочет бросить ему вызов... — сказал мужчина и на секунду завис, словно погрузившись в воспоминания. Потом он медленно пришёл в себя, покачал головой и сказал:

— Ну ладно, пошли.

И снова коляска медленно покатила вперёд.

Под конец прогулки, когда диск солнца уже целиком поднялся над горизонтом, мужчина задумчиво присмотрелся к последним статуям. Сперва он посмотрел на статую слева, — она изображала статного старца, — потом на статую справа, единственную такую в своём ряду. Эта была статуя длинноволосого мужчины в доспехе. Руки его были собраны за спиной, а взгляд направлен ровно на горизонт.

— Какое дурное изображение, — заметил мужчина в коляске. — Надо как-нибудь её перестроить.

Человек в белом промолчал; для него было уже привычно, что каждый раз, когда они проезжали возле статуи «великого героя» Фан Линя, мужчина давал один и тот же комментарий. Это была какая-то то ли формальность, то ли вообще очередная его непонятная шутка, ведь несмотря на своё недовольство статуей и влияние, никакую перестройку он в действительности начинать не собирался — человек в белом привык игнорировать его слова, однако в этот раз, сам не зная почему, он тоже взглянул на статую воина.

Человек присмотрелся к ней и вспомнил образ, изображённый на экранчике — ровную бронзовую спину. Он сопоставил его со статуей и пару секунд спустя едва заметно кивнул.

На этом утренняя прогулка завершилась.

Стояло ровно восемь часов тридцать минут утра по Общему Федеральному Времени.

Сокращённо: ОФВ.

Общее Федеральное Время было едино как на столичной планете, так и на прочих, самый развитых мирах Звёздного Небосвода. Чтобы соответствовать ему, орбиты некоторых планет были искусственно изменены, так что утро, день и вечер наступали на них в один и тот же час. Сама по себе операция по корректировке планетарного времени была чрезвычайно затратной, а потому и проводилась она либо в мирах, имеющих наибольший экономический вес, где разница во времени в долгосрочной перспективе могла привести к ещё большим убыткам, либо на самых богатых планетах, которые могли себе это позволить ради одних только роскоши и престижа.

Среди таких миров была планета Зелёных Ветров.

Это был очень особенный мир, ибо население его составляло чуть меньше сотни миллионов

человек, но планета, при этом, была одной из наиболее дорогих для проживания во всей Федерации; это был мир курортов, мир вилл, где располагались резиденции и дворцы самых богатых и влиятельных людей всего Звёздного Небосвода. Благодаря скромному населению, на планете было много свободного пространства, — бескрайние зелёные прерии, аккуратно посаженные деревьями, покрытые искусственными озёрами, реками и павильонами. Выходя на прогулку, местные могли идти в совершенно в любом направлении с полной уверенностью, что их ждёт выверенное путешествие, в котором они сперва надышатся чудесных цветов, — гортензий, фиалок, роз, — полюбуются, как плавают кувшинки лотоса в пруду, пройдутся под сенью персиковых деревьев, круглый год цветущих розовыми лепестками, и вернуться к себе домов в гарантированно приподнятым настроении.

Здесь улицы вымывали чистящим средством и щётками.

Это был рай на земле.

И в этом раю был небоскрёб.

Он возвышался почти на сотню этажей и входил в четвёрку самых высоких зданий на всей планете. Небоскрёб походил на огромную башню, украшенную стеклом и синей краской; каждые несколько десятков этажей на его балконах пестрели пышные клумбы.

Крыша же небоскрёба и вовсе представляла собой самый настоящий сад с прудом и выходящим на него павильоном, который завершала круглая беседка. В данный момент на подступах к ней стояла служанка в голубом наряде. Смирненно опустивши голову, она поглядывала исподлобья на спину девушки, стоявшей на краю беседки. Девушка эта была в чёрном платье с глянцевым поясом и в короткой юбке, которая открывала её стройные и прекрасные ножки. Волосы девушки были жемчужными, — даже в тени беседки они переливались как фиолетовые, голубые и белые кристаллы.

Девушка, лица которой с этого ракурса было не разобрать, смотрела на парящий перед собой экран. На нём сверкала баталия между пламенным воином и чернильной кляксой. Когда битва подошла к своему завершению, девушка махнула рукой, и экран превратился в нефрит, который затем вернулся в руки служанки.

Та смиренно опустила взор.

Последовало несколько секунд молчания.

— ...Посылать ему деньги теперь бессмысленно, — заговорила наконец девушка нежным голосом. — Хватит.

— Как вы велите...

— ...Приготовь корабль, — её голос сделался немного тише. — Я скоро вылетаю.

— Как вы велите... — служанка опустила голову. — ...Госпожа Фан.